Пьер БУРДЬЕ[1]

ДЕЛЕГИРОВАНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕТИШИЗМ[2] [I]

Делегирование, с помощью которого одно лицо предоставляет <…> свои полномочия другому лицу, передача полномочий, в результате которой доверитель разрешает своему доверенному лицу подписывать документы, говорить и действовать от своего имени, вручает ему свою доверенность, т. е. plena potentia agendi (полномочие действовать вместо себя), – это сложный акт, заслуживающий серьезного осмысления. Полномочный представитель, министр, доверенное лицо, делегат, уполномоченный, депутат, парламентарий – все это лица, располагающие мандатом, поручением или доверенностью представлять (слово крайне полисемичное), т. е. выражать и отстаивать интересы определенного лица или группы.

Но если делегирование действительно означает передачу кому-либо той или иной функции или поручения путем предоставления полномочий, то следует задаться вопросом: как получается, что доверенное лицо вдруг обретает власть над передавшим ему свои полномочия? Когда акт делегирования осуществляется одним лицом в пользу другого, то все относительно ясно. Но когда одно лицо получает полномочия от множества лиц, оно может оказаться облеченным полномочиями, трансцендентными по отношению к каждому из доверителей. Тем самым оно становится как бы воплощением того, что последователи Дюркгейма нередко называли трансцендентностью социального.

Но и это еще не все, и отношение делегирования рискует затемнить истинный смысл отношения представительства, а также парадокс ситуации, когда группа не может существовать иначе, как делегируя свои полномочия какому-либо одному лицу – генеральному секретарю, папе и т. д., – способному действовать как юридическое

---

[1] Пьер Бурдье (1930 – 2002) – известный французский социолог. Глава кафедры социологии Коллеж де Франс, руководитель Центра европейской социологии, профессор Высшей школы социальных наук, одна из наиболее ярких и значимых фигур современной социологии. На русском языке изданы его основные труды: «Социология политики» (М., 1993); «Начала» (М., 1994); «Практический смысл» (М., 2001) и др.

* Печатается с небольшими сокращениями по: *Бурдье П.* Социология политики / Пер. с фр. Ю.М.Ледовских / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А.Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.

лицо, т. е. как субститут группы. Во всех этих случаях, согласно установленному канониками уравнению: Церковь – это папа – по внешней видимости группа продуцирует человека, выступающего вместо нее и от ее имени (если мыслить в терминах делегирования), тогда как в действительности было бы <…> правомерно говорить, что представитель группы продуцирует группу. Ибо именно потому, что представитель существует и представляет (акт символический), представляемая и символизируемая им группа существует и <…> обеспечивает своему представителю существование в качестве представителя группы.

В этом замкнутом круговом отношении легко увидеть корни иллюзии, в силу которой в предельном случае представитель может восприниматься другими и сам воспринимать себя в качестве causa sui, т. к. он сам является причиной того, что составляет его власть. Ведь группа, инвестирующая его полномочия, <…> существовала бы не в полной мере в качестве представляемой группы, не будь он ее воплощением.

Этот изначально круговой характер представительства основательно затемнен: он подменен массой вопросов, наиболее распространенный из которых – вопрос сознательности. Затемнен был и вопрос о политическом фетишизме, равно как и процесс, в результате которого индивиды конституируются <…> в группу, утрачивая при этом контроль над группой, в рамках и благодаря которой они конституируются. Существует своего рода антиномия, внутренне присущая политическому и связанная с тем, что индивиды – тем в большей степени, чем более они обездолены – не могут конституироваться <…> в группу, т. е. в силу, способную заявить о себе, высказываться и быть услышанной, иначе, как отказавшись от своих прав в пользу того или другого представителя. Нужно постоянно идти на риск политического отчуждения для того, чтобы его избежать. <…>

Именно действие механизма делегирования, будучи игнорируемым и оставленным без внимания оказывается первопричиной политического отчуждения. Доверенные лица – государственные министры и служители культа являются, согласно высказыванию К. Маркса по поводу фетишизма, теми «продуктами человеческого мозга, которые появляются как бы одаренными собственной жизнью»[1].

В роли политических фетишей выступают люди, вещи, живые существа, которые кажутся как бы обязанными лишь самим себе существованием, полученным от социальных агентов. А доверители обожают свои собственные создания. Политическое идолопоклонство как раз и заключается в том, что ценность, которой наделяется определенный политический деятель – этот продукт человеческого

мозга – выступает как объективное свойство личности, как обаяние, харизма, ministerium предстает как mysterium.

Здесь я мог бы сослаться на Маркса, разумеется, cum grano salis[II], т. к. его анализ фетишизма – что вполне понятно – конечно, не относился к политическому фетишизму. В том же знаменитом отрывке Маркс писал: «У стоимости не написано на лбу, что она такое»[2]. По существу – это определение харизмы, такого вида власти, которая как бы является своей первопричиной. Харизма, по определению М. Вебера, есть нечто такое, что само выступает в качестве своей собственной основы: дар, благодать, манна. <…>

Итак, делегирование есть акт, с помощью которого группа образует самое себя, обретая совокупность присущих группам элементов, а именно: постоянное помещение, освобожденных работников, бюро, понимаемое в самых различных смыслах и прежде всего в смысле бюрократической формы организации с печатью, штампами, подписями, передачей права подписи, штемпелями и т. п. <…> Группа существует, когда располагает постоянным представительным органом, наделенным plena potentia agendi и sigillum authenticum, а следовательно, способным заменить (говорить за кого-то – значит говорить вместо) серийные[III] группы, состоящие из разобщенных и изолированных индивидов, постоянно обновляющихся, способных действовать и говорить только от своего имени. Второй, гораздо более скрытый, акт делегирования, к рассмотрению которого я хотел бы теперь перейти, – это акт, посредством которого уже конституировавшаяся социальная реальность – партия, Церковь и т. д. – наделяет своим мандатом какого-либо индивида (я сознательно употребляю бюрократическое слово «мандат»). Им может быть секретарь (понятия «секретарь» и «бюро» прекрасно сочетаются), министр, генеральный секретарь и т. д.

Здесь уже доверитель выбирает своего уполномоченного, а бюро вверяет мандат своему полномочному представителю. Я сейчас постараюсь объяснить суть этого «черного ящика»: во-первых, перехода от атомизированных субъектов к бюро и, во-вторых, перехода от бюро к секретарю. При анализе этих двух механизмов воспользуемся парадигмой организации Церкви. Церковь, а через нее и каждый из ее членов, располагают «монополией на легитимное манипулирование атрибутами спасения». В этих условиях делегирование является актом, которым Церковь (а не просто верующие) наделяет церковнослужителя правом действовать от своего имени.

В чем же состоит таинство богослужения? В том, что доверенное лицо оказывается способным действовать в качестве субститута группы своих доверителей, благодаря неосознанному делегированию (я представил его здесь, как если бы оно было вполне осознан-

ным, исключительно в целях ясности изложения как своего рода артефакт, аналогичный идее общественного договора). Иначе говоря, доверенное лицо некоторым образом находится с группой в отношении метонимии: оно – часть группы, которая может функционировать как знак вместо целой группы.

Оно также может выступать в роли пассивного, объективного знака, обозначающего, демонстрирующего в качестве представителя и группы in effigie[IV] существование своих доверителей (сказать, что ВКТ[V] была принята в Елисейском дворце, значит сказать, что вместо обозначаемого был принят знак). Более того, именно знак сигнализирует и, в качестве представителя, способен сигнализировать, чем он является, что он делает и представляет, и как он представляет себе свое представительство. И когда говорят, что «ВКТ была принята в Елисейском дворце», то подразумевается, что совокупность членов конфедерации была представлена там двумя способами: фактом демонстрации присутствия своего представителя и, в зависимости от обстоятельств, фактом его выступления. <…> В самом акте делегирования заложена возможность для злоупотреблений. В той мере, в какой в большинстве случаев делегирования доверители предоставляют своему доверенному лицу свободу действий, хотя бы потому, что им часто неизвестно, на какие вопросы придется ему отвечать, они целиком на него полагаются. <…>

Чем более люди обездолены – особенно в культурном отношении, – тем больше они вынуждены и склонны, желая заявить о себе в политике, полагаться на доверенных лиц. На практике индивиды, находящиеся в изолированном и безгласном состоянии, не имеющие ни способности, ни власти, чтобы заставить слушать себя и быть услышанными, оказываются перед выбором: либо безмолвствовать, либо доверить другим право говорить от своего имени.

В тех крайних случаях, когда речь идет о доминируемых группах, акт символизации, благодаря которому конституируются их представители <…> единовременен <…>: знак продуцирует обозначаемую вещь, обозначающее идентифицируется с обозначаемой вещью, которая без него не существовала бы и которая сводится к нему. Обозначающее – это не только тот, кто выражает и представляет обозначаемую группу; это тот, благодаря кому группа узнает, что она существует, тот, кто обладает способностью, мобилизуя обозначаемую им группу, обеспечивать ей внешнее существование. Только один он, при определенных условиях, благодаря власти, обеспечиваемой ему актом делегирования, в состоянии мобилизовать группу, например, на манифестацию. Когда представитель заявляет: «Я продемонстрирую вам свою способность представлять, представив людей, которых я представляю» (отсюда вечные споры относительно числа

участвовавших в манифестациях), то он, демонстрируя тех, кто его уполномочил, демонстрирует свою легитимность. <…>

Самое трудное в социологии – это, сохраняя полную способность удивляться и недоумевать, научиться размышлять о вещах, давно считающихся понятыми. Вот почему иногда, чтобы действительно понять самое простое, начинать следует с наиболее трудного. Приведу пример. Во время майских событий 1968 г. неожиданно возник некий господин Бэйе, который на протяжении всех этих «дней» непрестанно выступал в качестве президента Общества агреже[VI], выражая их интересы. Это общество – по крайней мере в то время – практически не имело социальной базы.

Вот типичный пример узурпаторства со стороны человека, который пытается убедить (кого? – спросите вы. – По меньшей мере прессу, обычно признающую только представителей и только с ними имеющую дело, обрекая других на «свободный обмен мнениями»), что «за ним» стоит определенная группа, раз он может говорить от ее имени в качестве юридического лица, не будучи ни кем уличен во лжи. Здесь мы оказываемся перед парадоксом: узурпатор тем надежнее защищен от риска быть уличенным во лжи, чем малочисленнее его организация; отсутствие же разоблачений на деле может вообще указывать на отсутствие членов организации. Что можно противопоставить такому человеку? Можно публично протестовать, можно начать собирать подписи под петицией.

Например, когда члены коммунистической партии пытаются избавиться от бюро, они вновь попадают в положение изолированных, «серийных» индивидов, вынужденных заново обзаводиться своим представителем, бюро, группой для того, чтобы избавиться от представителя, бюро, группы, т. е. они обращаются к тому, против чего большинство движений, особенно социалистических, постоянно выступает как против смертного греха, – к «фракционизму». <…> Как можно бороться против узурпации власти уполномоченными представителями? Разумеется, существуют индивидуальные решения против всех форм подавления коллективом – exit and voice, как выражается Альберт Хиршман, т. е. либо выход из него, либо протесты. Но можно также попытаться создать новое общество. И если вы почитаете газеты того времени, то узнаете, что к 20 мая 1968 г. возникло еще одно Общество агреже со своим генеральным секретарем, печатью, бюро и т. д. <…>

Основополагающий в философском и политическом смысле акт конструирования, каким представляется делегирование, является актом магическим, позволяющим тому, что оставалось до этого лишь собранием множества лиц, серией случайно оказавшихся вместе индивидов, возродиться к жизни в форме фиктивного лица, corporatio,

тела, мистического тела, воплощенного в социальном теле, трансцендентном в свою очередь по отношению к составляющим его биологическим телам <…>.

Самоосвящение доверенных лиц

Показав, насколько явление узурпации потенциально присуще акту делегирования и каким образом сам факт, позволяющий говорить за кого-то, т. е. в его пользу и от его имени, может перейти в естественную склонность говорить вместо, я хотел бы теперь остановиться на тех общераспространенных стратегиях, с помощью которых доверенное лицо стремится к самоосвящению. Для того чтобы иметь возможность отождествить себя с группой и сказать: «Я есмь группа», «Я существую, следовательно, группа существует», доверенное лицо должно неким образом раствориться в группе, отказаться от своей личности в пользу группы, громогласно и торжественно заявить о себе: «Я существую только благодаря группе». Узурпация, осуществляемая доверенным лицом, по необходимости скромна и предполагает скромность. Именно поэтому, по-видимому, все аппаратчики имеют фамильное сходство. Можно говорить о своего рода лицемерии, структурно присущем доверенному лицу, которое, чтобы присвоить себе авторитет группы, должно отождествить себя с ней, свести себя к группе, наделяющей его своим авторитетом.

Здесь я хотел бы процитировать Канта, который в «Религии в пределах только разума» отметил, что Церковь, которая была бы основана не на рациональной, а на абсолютной вере, имела бы не «служителей» (ministri), а «высокопоставленных функционеров» (officiales), которые посвящают в сан и которые, даже когда не выступают во всем иерархическом блеске, как, например, в протестантской церкви, и «на словах восстают против подобных претензий, тем не менее желают, чтобы их рассматривали как единственных уполномоченных толкователей Священного писания» и превращают тем самым «служение (ministerium) Церкви в господство (imperium) над ее членами, хотя, для того, чтобы скрыть факт узурпации, они и пользуются скромным званием служителей».

Таинство служения возможно только при условии, если служитель скрывает осуществляемую им узурпацию и imperium, которое она ему обеспечивает, представляясь простым служителем. Ибо использование обманным путем в личных интересах преимуществ своего положения возможно лишь в той мере, в какой оно скрывается, – это входит в само определение символической власти. Символическая власть есть власть, которая предполагает признание, т. е. незнание о факте творимого ею насилия. Следовательно, символичес-

кое насилие, осуществляемое служителем культа, возможно только при некоего рода соучастии, оказываемом ему вследствие незнания теми, кто испытывает на себе это насилие.

Ницше прекрасно говорит об этом в «Антихристе», в котором следует видеть критику не столько христианства, сколько института доверенных лиц и уполномоченных, поскольку служители католического культа суть воплощение доверенного лица. Вот почему он яростно нападает в своем сочинении на священников и их святейшее лицемерие, а также на приемы, с помощью которых доверенные лица возводят себя в абсолют, самоосвящаются. Первый прием, которым может воспользоваться священнослужитель, состоит в том, чтобы убедить других в своей необходимости. Уже Кант упоминал о ссылках на необходимость толкования текстов, их законного прочтения. Об этом же открыто заявляет и Ницше: «При чтении этих Евангелий нужно быть как можно более осторожным: за каждым словом встречается затруднение»[3].

Этим Ницше хочет сказать: чтобы освятить себя в качестве необходимого истолкователя, посредник должен создать потребность в своих услугах. А для этого ему необходимо сослаться на трудности, с которыми только он один был бы в состоянии справиться. Доверенное лицо осуществляет <…> – я опять цитирую Ницше – «обращение самого себя в святого». Чтобы дать почувствовать свою необходимость, оно прибегает к стратегии «безличного» долга. «Ничто не разрушает так глубоко, так захватывающе, как всякий «безличный» долг, всякая жертва молоху абстракции»[4].

Доверенное лицо – это тот, кто возлагает на себя священные задачи: «<…>Если имеешь священные задачи вроде исправления, спасения, искупления человечества… сам, освященный подобной задачей, изображаешь тип высшего порядка!…»[5]. Эти приемы священнослужителей все имеют в своей основе лицемерие (mauvaise foi)[VII] в сартровском понимании этого термина – самообман, «святую ложь», с помощью которых священнослужитель, определяя ценность вещей, объявляет абсолютно хорошими именно те вещи, которые хороши для него самого. Священнослужитель, считает Ницше, – это тот, кто осмеливается «назвать «Богом» свою собственную волю»[6]. (Можно было бы также сказать и о политике, что он называет народом, общественным мнением, нацией свою волю.) Я вновь ссылаюсь на Ницше: ««Закон», «воля Божья», «священная книга», «боговдохновение» – все это только слова для обозначения условий, при которых жрец идет к власти, которыми он поддерживает свою власть – эти понятия лежат в основе всех жреческих организаций, всех жреческих и жреческо-философских проявлений господства»[7].

Этим Ницше хочет сказать, что уполномоченные приспосабливают к своим нуждам общечеловеческие ценности, завладевают ими, «конфискуют мораль»[8] и присваивают себе такие понятия, как Бог, Истина, Мудрость, Народ, Свобода и т. д., превращая их в синонимы... В синонимы чего? – Самих себя: «Я есмь Истина». Они выдают себя за святых, освящают себя и тем самым возводят барьер между собой и простыми смертными, становясь, по словам того же Ницше, «мерой всех вещей».

Лучше всего функция священнического смирения проявляется в том, что я назвал бы эффектом оракула, благодаря которому уполномоченный заставляет говорить группу, от чьего имени он выступает, опираясь тем самым на авторитет этого неуловимого отсутствующего: самоуничтожаясь полностью во имя Бога или Народа, священнослужитель превращает себя в Бога и Народ. Я становлюсь Всем, когда Я превращаюсь в Ничто, и именно потому, что Я способен превратиться в Ничто, раствориться, забыть себя, пожертвовать собой, посвятить себя. Я только доверенное лицо Бога или Народа; но то, от имени чего Я выступаю, является Всем, и потому Я – Все. Эффект оракула – это, по существу, раздвоение личности: индивидуальная личность, «Я» самоуничтожается в пользу трансцендентного юридического лица («Я жертвую собой ради Франции»). Приобщение к духовному сану возможно лишь при условии настоящей метанойя, или превращения: обычный индивид должен умереть, чтобы вновь явиться в виде юридического лица. Умри – и стань институтом (именно это происходит при обрядах посвящения).

Как это ни парадоксально, но те, кто, чтобы стать Всем, превратили себя в Ничто, могут настаивать и на правомерности обратной зависимости и упрекать тех, кто остаются самими собой и выступают лишь от своего имени, в том, что они и фактически, и юридически являются Ничем (ввиду отсутствия у них чувства долга и т. п.). На этом основано право на обвинения и вынесение выговоров – одна из привилегий члена организации. Короче, эффект оракула представляет собой одно из тех явлений, которые кажутся нам легко понятными (все мы слышали о Пифии, о жрецах, истолковывающих прорицания оракулов).

Однако мы вовсе неспособны его распознавать в ситуациях, когда кто-то говорит от имени чего-то такого, что он вызывает к жизни самим фактом своей речи. Целая серия подобных символических эффектов, ежедневных в политической жизни, основывается на такого рода узурпаторском чревовещании, состоящем в том, чтобы заставить говорить тех, от чьего имени говоришь, имеешь право говорить, заставить говорить народ, от чьего имени тебе позволено говорить. Редко бывает так, чтобы, когда политик заявляет: «народ,

классы, народные массы», он не прибегал к эффекту оракула, т. е. к трюку, смысл которого – в одновременном продуцировании высказывания и его расшифровке, в создании впечатления, что «я – это другой», что представитель, будучи всего лишь субститутом народа, действительно – народ, а значит все, что им говорится, это – сама правда и сама народная жизнь.

Узурпация, заключающаяся в факте самоутверждения в своей способности говорить от имени кого-то, – это то, что дает право перейти в высказываниях от изъявительного к повелительному наклонению. Если я, Пьер Бурдье, единичный социальный атом, <…> выступающий только от своего имени, вдруг заявляю, что нужно делать то-то и то-то, например, свергнуть правительство или отказаться от ракет типа «Першинг», то вряд ли кто за мной пойдет. Но если я окажусь в ситуации, определенной моим официальным положением таким образом, что смогу выступать «от имени народных масс» или <…> «от имени народных масс, науки и научного социализма», то все меняется. Переход от изъявительного к повелительному наклонению <…> предполагает переход от индивидуального к коллективному как основе любой признанной или могущей быть признанной формы принуждения.

Эффект оракула являет собой предельную форму результативности; это то, что позволяет уполномоченному представителю, опираясь на авторитет уполномочившей его группы, применить по отношению к каждому отдельному члену группы признанную форму принуждения, символическое насилие. Если я – человек, ставший коллективом, человек, ставший группой, и если эта группа есть группа, часть которой вы составляете и которая сообщает вам некоторую определенность и идентичность, благодаря чему вы действительно являетесь, скажем, преподавателем, протестантом, католиком и т. д., остается только повиноваться.

Эффект оракула – это эксплуатация факта трансцендентности группы по отношению к отдельным индивидам, осуществляемая одним из индивидов, действительно являющимся некоторым образом группой, хотя бы потому, что никто не может встать и сказать: «Ты – не группа». Правда, у других остается возможность основать еще одну группу и добиться признания себя в качестве ее доверенного лица.

Этот парадокс монополизации коллективной истины вообще лежит в основе символического принуждения: я являюсь группой, т. е. коллективным принуждением, принуждением коллектива по отношению к каждому его члену, я – человек, ставший коллективом, и тем самым я тот, кто манипулирует группой от имени самой этой группы; я присваиваю авторитет группы, которая дает мне право осуществлять по отношению к ней принуждение. (Заключенный в

эффекте оракула элемент насилия нигде так не ощущается, как в ситуациях собраний людей, – в ситуациях типично экклезиастических, когда уполномоченные в обычном порядке представители, а в кризисных ситуациях сами себя уполномочившие профессиональные представители, – получают возможность говорить от имени всей собравшейся группы. Это насилие проявляется в почти физической невозможности диссидентских, расходящихся с другими выступлений против принудительного по своему характеру единодушия, обеспечиваемого монополией на выступления, и такими техническими приемами приведения к единогласию, как голосование по поводу сманипулированных резолюций поднятием руки или овациями).

В этой связи серьезного лингвистического анализа заслуживают та двойная игра и те риторические приемы, в которых проявляется структурное лицемерие уполномоченных представителей, и в частности, их постоянные переходы от «мы» к «я». В области символов акты насилия выражаются в силе образов и, только зная это, можно превратить лингвистический анализ в инструмент политической критики. Когда аппаратчик желает совершить акт символического насилия; то он с «я» переходит на «мы». Он скажет не: «Я считаю, что вам, социологам, следует изучать рабочих», а: «Мы считаем, что вам следует...» или: «Существует социальная потребность в том, чтобы...».

Следовательно, «я» доверенного лица, его частный интерес должен скрываться за исповедуемым интересом группы, и потому оно вынуждено, как говорил Маркс, «универсализировать свой частный интерес» с тем, чтобы выдавать его за интерес групповой. В еще более общей форме, использование абстрактного языка, столь характерных для политической риторики абстрактных громких слов, вербализма абстрактной добродетели, способного, как это хорошо подметил еще Гегель, порождать лишь фанатизм и якобинский терроризм (достаточно познакомиться с перепиской Робеспьера с ее ужасным пустозвонством), – все это характерно для логики двойной игры, лежащей в основе – с субъективной и объективной точек зрения – легитимной узурпации, совершаемой доверенными лицами. <...>

Духовенство – и именно это хотел показать Ницше – священнослужители, Церковь, а также аппаратчики во всех странах подменяют видение мира той группы, выразителями которой они себя считают, собственным видением мира (деформированным под воздействием их libido dominandi[VIII]). Сегодня народом пользуются так же, как в былые времена пользовались Богом для сведения счетов между духовными лицами.

Гомология и эффекты незнания

<…> Почему несмотря ни на что, удаются все эти стратегии двойной игры, и как происходит, что двойная игра доверенных лиц остается незамеченной. Здесь необходимо понять то, что составляет суть таинства богослужения, а именно: «легитимное лицемерие». Вряд ли стоит в самом деле, отталкиваясь от наивного представления о преданном доверенном лице, бескорыстном деятеле, преисполненном чувства самоотречения руководителе, впадать в другую крайность – в представление о доверенном лице как о сознательном и целеустремленном узурпаторе. Таково характерное для XVIII века (например, для Гельвеция и Гольбаха) представление о священнике – весьма наивное, несмотря на его кажущуюся ясность. Ибо легитимное лицемерие только потому и оказывается успешным, что узурпатор – не расчетливый циник, сознательно обманывающий народ, а человек, совершенно искренне принимающий себя за нечто другое, чем он есть.

Один из механизмов, позволяющий узурпаторству и двойной игре осуществляться, если можно так выразиться, в полной невинности и совершенной искренности, заключается в том, что в большинстве случаев интересы доверителей и доверенного лица существенным образом совпадают, так что доверенное лицо может верить, заставляя и других в это поверить, что у него нет иных интересов, кроме интересов своих доверителей. Чтобы это объяснить, необходимо несколько отклониться в сторону и заняться более сложным анализом. Существуют политическое, религиозное и т. п. пространства. Это то, что я также называю полями, т. е. автономными универсумами, своего рода игровыми площадками, на каждой из которых игры ведутся по своим особым правилам, отличным от правил игры в соседнем пространстве.

Участвующие в играх люди преследуют свои специфические интересы, <…> которые не определены их доверителями. Политическое пространство имеет, так сказать, правую и левую стороны, доминирующих и доминируемых; социальное пространство также имеет своих доминирующих и доминируемых: бедных и богатых. И эти пространства сообщаются друг с другом. Между ними существует гомология. Это означает, что grosso modo тот, кто занимает в одной игре позицию слева – «а», находится по отношению к тому, кто занимает позицию справа «в», в таком же положении, в каком тот, кто занимает позицию слева «А», находится по отношению к тому, кто занимает позицию справа – «В» в другой игре. Когда у «а» появляется желание напасть на «в», чтобы свести с ним специфические счеты, он действует в своих интересах, но преследуя их, он оказывает вместе с тем

услугу «А». Это структурное совпадение между специфическими интересами доверенных лиц и доверителей лежит в самой основе таинства искреннего и успешного богослужения. Люди, которые искренне служат интересам своих доверителей, тем самым хорошо служат и себе. Им это выгодно, и именно это важно, чтобы механизм функционировал.

Если я говорю об интересах, то потому, что данное понятие выполняет функцию разрыва: позволяет порвать с традиционной идеологией незаинтересованности – этой профессиональной идеологией всякого рода служителей. У людей, участвующих в религиозных, интеллектуальных и политических играх, есть свои специфические интересы, которые являются жизненно важными для общества (как бы ни отличались, например, от интересов других интересы генеральных директоров, ведущих свою игру в экономическом поле). Все эти интересы символического характера – не потерять лица, не лишиться избирательного округа, заставить замолчать соперника, одержать верх над враждебным «течением», заполучить пост председателя и т. д., – таковы, что, служа и подчиняясь им, исполнители <…> служат и своим доверителям (разумеется, бывают исключения, когда интересы доверенных лиц вступают в конфликт с интересами доверителей).

Тем не менее гораздо чаще, чем можно было бы ожидать, <…> случается так, что, в силу гомологии, исполнители, довольствующиеся тем, что подчиняются тому, чему обязывает их занимаемое ими положение в игре, служат ео ipso[IX] – и кроме того – людям, которыми сами они пользуются и служить которым они призваны. Эффект метономии позволяет универсализировать частные интересы аппаратчиков и отождествлять интересы доверенных лиц с интересами доверителей, которых они призваны представлять.

Основное достоинство этой модели в том, что в ней учитывается факт, что доверенные лица не являются циниками (или, во всяком случае, в гораздо меньшей степени и значительно реже, чем можно было бы ожидать), а сами искренне вовлечены в игру и действительно верят в то, что делают. Во множестве такого рода случаев доверители и доверенные лица, клиенты и производители находятся в отношениях структурной гомологии. Это, в частности, можно сказать и об интеллектуальном и журналистском полях. Так, поскольку журналист из «Нувель обсерватер» находится по отношению к журналисту из «Фигаро» в таком же положении, в каком читатель «Нувель обсерватер» находится по отношению к читателю «Фигаро», то, когда этот журналист не отказывает себе в удовольствии свести счеты с журналистом из «Фигаро», он доставляет удовольствие и читателю «Нувель обсерватер», никогда не стремясь при этом ему угодить.

Это очень простой механизм, но им опровергается обычное представление об идеологической деятельности как о заинтересованном служении и раболепии, как о своекорыстной подчиненности выполняемой функции: журналист из «Фигаро» не является платным писакой на службе у епископата или лакеем капитализма и т. д. Он прежде всего журналист, который, в зависимости от конкретного момента, отдает предпочтение то «Нувель обсерватер», то «Либерасьон».

Уполномоченные аппарата

До сих пор я делал упор на отношения между доверителями и доверенными лицами. Теперь мне необходимо рассмотреть отношения между корпусом доверенных лиц, или аппаратом, который имеет собственные интересы и, как утверждает Вебер, «собственные тенденции», в частности, тенденцию к самовоспроизводству, и отдельными доверенными лицами. Когда корпус доверенных лиц, корпус священнослужителей – партия и т. д. – отстаивают собственные тенденции, то интересы аппарата превалируют над интересами отдельных доверенных лиц, которые ввиду этого перестают быть доверенными лицами своих доверителей и становятся ответственными перед аппаратом. С этого момента без знания аппарата уже становится невозможным понять особенности доверенных лиц и их практические действия.

Согласно основному закону деятельности бюрократических аппаратов, аппарат дает все (в том числе и власть над самим аппаратом) тем, кто также отдает ему все и ждет от него всего, потому что вне аппарата такие люди не имеют ничего или почти ничего. Выражаясь более грубым языком, аппарат дорожит больше всего теми, кто больше всего дорожит им, потому что именно они больше всего от него зависят. Зиновьев[9], который хорошо понял это, что в общем-то не удивительно, но который все еще остается в плену ценностных суждений, пишет: «Основа успеха Сталина заключается в том, что он был исключительной посредственностью». Все это – очень красивые, но отчасти ошибочные формулировки, потому что их полемический настрой, покоряя нас, мешает восприятию (что вовсе не означает их принятия) фактов такими, какие они есть. Именно моральное возмущение мешает понять, почему успехов в аппарате добиваются те, кто с точки зрения харизматической интуиции воспринимаются как наиболее глупые и заурядные, кто сами по себе не представляют никакой ценности.

А добиваются они успеха вовсе не потому, что заурядны, а потому, что у них вне аппарата нет ничего, что им позволяло бы решиться на какие-либо вольности в отношении этого аппарата, пойти на какие-

либо уловки. Таким образом, существует известная и причем не случайная структурная общность между аппаратом и определенной категорией людей. Их можно охарактеризовать в основном негативно, как напрочь лишенных качеств, обладание которыми могло бы вызвать интерес в известный момент и в рамках определенного поля деятельности. Выражаясь более нейтрально, аппарат обычно возносит на пьедестал людей надежных.

Но почему надежных? Потому что у них нет ничего, что они могли бы противопоставить аппарату. Так, во французской компартии в 50-е годы и в Китае времен «культурной революции» в роли символических церберов и сторожевых псов выступала, как известно, преимущественно молодежь. Молодым, однако, присущи не только энтузиазм, наивность и убежденность: все то, что обычно с ними связывают, вовсе при этом не думая о самой молодежи. Согласно моей модели, молодые – это прежде всего те, кто ничего не имеет. Это – новички, которые включаются в деятельность, будучи лишены какого-либо капитала.

И в глазах аппарата они являются пушечным мясом в борьбе со старыми кадрами, которые, постепенно обзаведясь капиталом, – либо самостоятельно, либо с помощью партии – используют его против партии. Тот же, у кого ничего нет, беспрекословен и не склонен к оппозиции еще и потому, что аппарат многое дает ему в награду за его сговорчивость и ничтожество. Именно благодаря этому в 50-е годы какой-нибудь двадцатипятилетний интеллигент, являясь уполномоченным аппарата, мог иметь ex officio такую читательскую аудиторию, на какую смели рассчитывать разве только самые именитые интеллигенты, да и то, так сказать, за авторский счет.

И этот своего рода железный закон аппаратной жизни тесно связан с другим важным процессом, <…> эффектом бюро. Сошлюсь при этом на результаты анализа процесса большевизации, проведенного Марком Ферро. В начале русской революции в местных советах, заводских комитетах, т. е. в спонтанно складывавшихся группах могли участвовать все, все могли свободно говорить и т. д. Но потом, с назначением «освобожденных» работников, люди стали приходить все реже. Институализация (советов), воплощенная в таких работниках и в бюро, все перевернула. Так как бюро стали стремиться к монополии на власть, число участников собраний не могло не сократиться. Созывались бюро, собравшиеся использовались, во-первых, для того, чтобы подтвердить представительность своих представителей и, во-вторых, чтобы утвердить их решения,

«Освобожденные» работники начали упрекать рядовых членов за то, что они не достаточно часто посещали собрания, где им отводилась такая роль. Этот процесс, в результате которого власть сосре-

доточивалась в руках доверенных лиц, представляет собой как бы историческую реализацию ситуации, описываемой в теоретической модели делегирования. Люди собираются, говорят. Но потом появляются «освобожденные» работники, и люди начинают приходить реже. Потом возникают бюро с их особой компетенцией и специфическим языком. Можно было бы здесь напомнить историю бюрократизации научно-исследовательской деятельности. В ее структуре существуют научные сотрудники и научные администраторы, призванные обслуживать научных сотрудников. Для научных сотрудников непонятен их бюрократический язык: «исследовательский пакет», «приоритеты», так же, как в последнее время им непонятен язык технократическо-демократический с его «социальным заказом» и т. д. С некоторого момента они перестают являться на встречи с администраторами, те в свою очередь возмущаются их отсутствием. Правда, некоторые научные работники, имея свободное время, все же не отказывались от таких встреч. Результаты этого очевидны.

«Освобожденный» работник, как видно из названия, – тот, кто все свое время тратит на то, что для других является не основным, или чему они могут уделять только часть своего времени. А у него время есть, ему некуда спешить. Он способен растворить в медленно текущем бюрократическом времени, в повторах, требующих времени и энергии, самые пророчески смелые начинания, жизнь которых не вечна. В силу этого в руках у доверенных лиц концентрируется власть. Складывается характерная идеология, в основе которой лежит радикальное изменение их отношения к доверителям. Они отныне обвиняются в абсентеизме, некомпетентности, безразличном отношении к интересам коллектива. При этом не учитывается, что все это – лишь следствие концентрации власти в руках освобожденных работников, предел мечтаний которых – аппарат вообще без какой-либо социальной базы, без сторонников, активистов... Перманентность они противопоставляют прерывности. Их компетентность специфична. У них особый язык, только им свойственная культура – культура аппаратчиков, основанная на их собственной истории мелких дел. (Грамши где-то говорит о характерных для коммунистов византийских спорах и конфликтах по поводу тенденций и течений, в которых невозможно ничего понять.)

Наряду с этим существует специфическая социальная технология. Эти люди суть профессионалы в искусстве манипулирования единственной ситуацией, когда у них могли бы возникнуть проблемы, а именно: ситуацией конфронтации со своими доверителями. Они умеют манипулировать общими собраниями, превращая голосование в овации и т. д. Кроме того, на их стороне сама логика социальных процессов (для того, чтобы что-то доказать, требуется время); им

достаточно просто ничего не делать, чтобы сами события развивались в их интересах.

Их власть часто состоит в сопряженном с неопределенностью выборе: ничего не делать, не выбирать. Нетрудно понять, что центральным моментом во всем этом процессе является полная переоценка шкалы ценностей, в результате которой оппортунизм превращается в воинственную приверженность: существуют должности, привилегии и люди, которые их занимают или ими пользуются. Вместо того, чтобы испытывать чувство вины за использование своего положения в личных интересах, они ссылаются на то, что занимают эти должности не ради личных выгод, а в интересах партии или дела.

Точно также они ссылаются, желая сохранить их за собой, на общее правило, согласно которому завоеванные должности не покидают. Они называют капитулянством и преступным диссидентством любые проявления этической щепетильности в вопросе о власти.

Итак, можно говорить о своего рода самоосвящении или теодицее аппарата. Он всегда прав (и самокритика индивидов является последним средством против постановки под вопрос самого аппарата). В результате полной переоценки шкалы ценностей с характерным якобинским восторгом в отношении политики и политического сословия, политическое отчуждение, о котором шла речь в начале статьи, перестали вовсе замечать. Напротив, возобладало жреческое видение политики, и не участвующие в политических играх начали испытывать чувство вины. Иными словами, в сознании людей удалось глубоко укоренить представление о том, что сам факт неучастия в общественных организациях и невовлеченности в политику представляет собой род вины, в которой придется вечно раскаиваться.

Так что последнюю политическую революцию – революцию против сословия политиков и против потенциально содержащейся в акте делегирования узурпации – еще только предстоит совершить.

Примечания

[I] Доклад, сделанный 7 июня 1983 г. на заседании Ассоциации студентов-протестантов Парижа.

[II] «С крупинкой соли», т. е. с солью остроумия, иронически или критически, с некоторой поправкой, с известной оговоркой *(лат.)*.

[III] термин, введенный Ж-П. Сартром.

[IV] в воображении *(лат.)*.

[V] Всеобщая конфедерация труда Франции. – *(Примеч. пер.)*

[VI] Ученая степень, дающая во Франции право преподавания в лицеях и на естественнонаучных и гуманитарных факультетах университетов. ? *(Примеч. пер.)*

[VII] У Ж.-П. Сартра – установка сознания, скрывающего от самого себя истину, самообман. – *(Примеч. пер.)*

[VIII] властолюбие *(лат.)*.

---

[1] Ср.: *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 82: «...продукты человеческого мозга представляются самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью...».

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Указ. соч. С. 84.

[3] *Ницше Ф.* Антихрист: Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 668.

[4] Там же. С. 639.

[5] Там же. С. 639 – 640.

[6] Там же. С. 673.

[7] Там же. С. 682 – 683.

[8] Там же. С. 669.

[9] Здесь автор близок к формулированию закона. Имея в виду аппаратчиков, он в другом месте говорит об их «исключительно незначительной, но оттого и непобедимой силе».